

Федор Николаи

Перспективы «цифрового поворота» в *memory studies*

DOI: 10.53953/08696365_2023_182_4_339

Память в Сети: цифровой поворот в *memory studies*:

Сб. статей / Под ред. А.Ф. Павловского, А.И. Миллера.

СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге,
2023. — 352 с. — 800 экз.

В центре дискуссий об исторической памяти, которые продолжаются в российской историографии уже около четверти века, в последние годы находится в основном политика памяти. Ключевыми акторами при этом чаще всего выступают государства или интеллектуальные сообщества — наследники влиятельных культурных традиций. Гораздо реже внимание исследователей привлекают низовые практики коммеморации, в том числе в интернете и социальных сетях. На этом фоне безусловный интерес представляет сборник «Память в сети» под редакцией А.Ф. Павловского и А.И. Миллера.

«Среднестатистический пользователь проведет в интернете 40% своей бодрствующей жизни. Каждый третий россиянин в возрасте от 18 до 64 лет — злостный геймер. <...> В интернете мы будем жить и в интернете умрем», — утверждается во введении (с. 8–9). Приводимая в исследованиях новых медиа статистика часто вызывает сомнения и требует перепроверки, однако важнее обсуждаемый в рецензируемом сборнике теоретический вопрос: насколько сильно меняются представления о прошлом в цифровой среде? Как и большинство западных исследователей¹, авторы не дают универсального ответа, а стремятся обозначить векторы трансформации памяти в цифровом пространстве, анализируя отдельные кейсы, такие как

стратегии конструирования идентичности «киберказаков», городская память о Кронштадтском восстании, «цифровой неовизантизм», неосталинизм в TikTok, нормативное регулирование политики памяти в интернете, цифровые версии «Бессмертного полка», базы данных монументального искусства, проект «Прожито» и т.д.

Так, Александр Долгов в статье «Травма и ностальгия в социальных сетях: осмысление советского прошлого в онлайн-сообществе “Мы из СССР”» рассматривает эту ностальгию как переплетение перформатива и эмотива — речевой и эмоциональной активностей, которые меняют акторов в процессе высказывания.

1 См., например: Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition / Ed. by A. Hoskins. N.Y.: Routledge, 2017; *Dijk J. van*. Mediated Memories in the Digital Age. Stanford, CA: Stanford University Press, 2007; *Ernst W.* Digital Memory and the Archive. Minneapolis, L.: University of Minnesota Press, 2012; Handbook of Digital Public History / Ed. by S. Noiret, M. Tebeau, G. Zaagsma. Berlin, Boston: De Gruyter, 2022.

Такая ностальгия создает «аффективные сообщества медиапотребления» (с. 56). Аффективные, поскольку действуют на дорефлексивном уровне, соединяя неприятие современных российских социально-политических институтов и идеализацию моделей поведения, противопоставляемых современному балансированию в условиях неопределенности. Важно, что артикуляция рациональных суждений по обоим этим пунктам могла бы иметь негативные последствия для акторов: моральное осуждение и даже уголовное преследование. А главное, она предполагала бы противопоставление себя условному «большинству», поддерживающему или открыто не осуждающему эти институты. В этом контексте ностальгическая идеализация советского прошлого предлагает приемлемую культурную форму, — символически и эмоционально нагруженный нарратив, повышающий статус низовых акторов. Далее А. Долгов рассматривает распад СССР как культурную травму — конвенциональный нарратив, который не просто вызывает в аудитории эмоциональный отклик, но и конструирует символические роли жертв, виновников катастрофы и сторонних наблюдателей. Такая трактовка следует популярной в России рецепции идей Дж. Александра и Р. Айермана (впрочем, далеко не самой влиятельной в рамках *trauma studies*)². Показательно также, что автор не рассматривает взаимосвязь этих настроений с ностальгическим переплетением низового сталинизма и культа «сильной личности» в 1970—1980-е гг., которое достаточно ярко описывает И. Кукулин³. Тем не менее главный тезис автора совершенно верен: функция ностальгии состоит не в реалистической репрезентации прошлого, а в конструировании особого «воображаемого сообщества» — лишь отчасти политического и не столько национального (как у Б. Андерсона), сколько эстетического и эмоционального.

Эстетизированное и эмоциональное противопоставление современного постиндустриального «общества риска» идеализируемой сталинской модернизации рассматривает и Кирилл Молотов в статье «“Неосталинизм” в русскоязычном сегменте TikTok: как связаны Сталин и Тима Белорусских?». Он убедительно показывает, что бурный рост неосталинизма в TikTok — увеличение просмотров роликов с хештегом *#сталин* с 68 до 800 млн за год (с октября 2020 г. по ноябрь 2021 г.) — опирается на осознанное использование алгоритмов этой платформы. Четыре неосталинистских нарратива, существенно различающихся между собой, в равной степени активно используют хештеги и подстраивают свой контент под алгоритмы рекомендаций: «Взаимосвязь алгоритмов, ленты рекомендаций и редактора видео подталкивают пользователя создавать контент, похожий на уже просмотренный, используя, к примеру, те же эффекты, музыку и движения» (с. 152—153). В результате принципиальные логические нестыковки и внутренние противоречия этих нарративов совершенно не беспокоят их аудиторию. С точки зрения автора, TikTok создает новый режим публичности, в основе которого лежит не строго рациональ-

-
- 2 См.: Айерман Р. Культурная травма и коллективная память // Новое литературное обозрение. 2016. № 5. С. 40—67; Александр Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 6—40; Травма: пункты / Под ред. С. Ушакина, Е. Трубиной. М.: Новое литературное обозрение, 2009; Шнирельман В. Травматическая память: подходы к изучению и интерпретации // Сибирские исторические исследования. 2021. № 2. С. 6—29.
- 3 Kukulin I. Longing for Fear and Darkness: “Oppositional Grassroots Stalinism” in the 1970s — 1980s and Its Influence on Legitimizing Political Elites in Today’s Russia // *Post-Soviet Nostalgia: Confronting the Empires Legacies* / Ed. by O. Boele, B. Noordenbos, K. Robbe. N.Y.; L.: Routledge, 2020. P. 89—114 (см. об этом сборнике в обзоре: Николаи Ф. Ностальгия, советские вещи и антропология «стихийного материализма» // Новое литературное обозрение. 2022. № 174. С. 338—346).

ное суждение в духе Ю. Хабермаса, а автоматизированные алгоритмы рекомендаций и ремедиации контента, легко узнаваемого и вызывающего в аудитории аффективный отклик.

Статья Александры Колесник «(Не)публичная история? Российские Telegram-каналы о прошлом» также посвящена вопросу трансформации публичной сферы и формированию ее новых форматов в социальных сетях. «Telegram-каналы, — пишет исследовательница, — формируют пространство, альтернативное традиционным медиа, и усиливают рефлексию по отношению к транслируемому ими образу прошлого» (с. 218). Анализируя интервью с профессиональными историками, которые ведут телеграм-каналы на несколько тысяч подписчиков, автор показывает, что Telegram востребован как гибридный формат на стыке «официального» Facebook* и более приватного Twitter. Особенно интересно здесь указание на трансформацию режимов публичности в 2000-е гг., зависевшую не только от политической повестки, но и от конкуренции медиаплатформ, осмысление роли которых лишь начинается в рамках дискуссий о «несовершенной» публичной сфере в России⁴.

Анастасия Павловская, Алексей Павловский и Михаил Мельниченко в статье «Цифровая общественная архивистика: “Прожито” как цифровой архив, сообщество интерпретации и волонтерское движение» обсуждают три аспекта своей работы в рамках известного интернет-проекта «Прожито», публикующего в сети дневники и эго-документы из частных собраний: саморефлексию исследователей, стратегии взаимодействия с волонтерами и дарителями эго-документов, а также складывание общественной архивистики в России. Эту и большинство других статей сборника объединяет интерес к низовым практикам коммеморации в сети и поиск подходящего языка для их описания в условиях, когда ярких и продуктивных теоретических исследований по digital memory studies пока опубликовано крайне немного.

Единственная теоретическая статья в книге, написанная А. Павловским в качестве введения и призванная компенсировать указанный дефицит, — едва ли не самое полезное из всего, что до сих пор выходило по этой теме в России. Автор проводит контент-анализ посвященных интернет-платформам и «цифровизации памяти» статей в журнале «Memory studies», а также рассматривает такие важные для этого направления исследований понятия, как «коннективный поворот», «мобильная память», «цифровой архив» и «геймификация прошлого». Однако такое обобщающее введение не позволяет полностью преодолеть разрыв между теорией и практиками, характерный как для сборника, так и для исследований цифровой памяти в целом. Собранные в книге яркие и интересные сюжеты слишком фрагментарны, не соединены устойчивыми структурными связями. За рамками внимания неизбежно оказывается слишком много проблем и эмпирического, и теоретического характера: видеоигры, технологические проблемы хранения информации в сети, влияние акторно-сетевой теории и исследований науки и технологий (STS) на дискуссии о цифровой памяти, проблемы темпоральной политики и их воздействие на медиапамять и т.д.

* Деятельность компании «Meta Platforms Inc.» по реализации продуктов — социальных сетей «Facebook» и «Instagram» запрещена на территории Российской Федерации Тверским районным судом 22.03.2022 г. по основаниям осуществления экстремистской деятельности. — *Прим. ред.*

4 См.: *Несовершенная публичная сфера: история режимов публичности в России* / Под ред. Т. Атнашева, Т. Вайзер, М. Велижева. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

Кроме того, не вполне понятен выбор статей для перевода — «Транснациональная память о Холокосте, цифровая культура и конец “эпохи восприятия”» Вульфа Канстайнера и «Black Lives Matter в “Википедии”: сотрудничество и коллективная память в общественных онлайн-движениях» Марлона Тваймана, Брайана Кигана и Аарона Шоу. Обе они посвящены узнаваемым для широкой аудитории кейсам, однако ни в той, ни в другой нет какой-либо новой методологической оптики, позволяющей сократить разрыв между теорией и эмпирическими сюжетами. Более полезным в этом смысле мог быть, например, перевод статьи Э. Хоскинса о влиянии поп-культуры на коммуникативную память и наши представления о времени⁵. По мысли Хоскинса, современная популярная культура и соответствующая ей коммуникативная память принципиально партисипаторны и коннективны: их ключевым элементом является сам факт взаимосвязи (предполагающей двусторонние обязательства) человека и «воображаемого сообщества». Последние включают в себя очень разные группы — от толкинистов до фанатов видеоигр, — которые чаще всего политически нейтральны. Но попытки деконструкции этих виртуальных идентичностей со стороны левой критики ради возвращения к социальной проблематике предполагают отказ от воображаемой общности и аффективной поддержки. Критическая теория пытается изменить мир, а не просто объяснить его; применительно к политике идентичности эти изменения требуют не только признания множества самых разных опасностей и рисков, но и ограниченность наших возможностей в противостоянии растущей неопределенности. Тогда как эстетическая политика правых популистов, апеллирующая к прежним «воображаемым сообществам» (прежде всего нациям), косвенно наделяет и новые фан-сообщества значимостью, признает их аффективные связи и обещает простые, но якобы действенные средства противостояния внешним угрозам. Воображение здесь не столько конструирует социальную группу, сколько создает виртуальное «эмоциональное убежище». Другой вариант — статья профессора Саутгемптонского университета Ю. Парикка «Основное время: от цифровой памяти к сетям микротемпоральностей»⁶. В ней показано, что цифровая память предполагает переплетение разных скоростей и сочетание асинхронности с синхронизацией; сортировка, маршрутизация и менеджмент пакетов информации важны не сами по себе, а как основа существования двух разных режимов памяти: времени хранения и времени передачи, что соотносится с современным расслоением исторического времени, впрочем, не нарушающим гегемонию презентизма.

Такого рода теоретическая проблематика позволяет, во-первых, выйти за рамки академического сообщества историков и расширить пространство междисциплинарного диалога в *memory studies*, а во-вторых, поднять вопрос о будущем, о перспективах концептуализации связей низовых практик коммеморации с макротеорией цифровой памяти. Пока же различия языков описания памяти (как части популярной культуры, политической сферы, медиапространства) вызывают скорее разногласия, которые хотелось бы использовать в продуктивном ключе — для выхода на новый уровень осмысления современного исторического сознания. Ключевую роль здесь приобретает вопрос о причинах трансформации практик коммеморации в новых медиа. Эти практики, в том числе низовые, оказываются

5 Hoskins A. *The Restless Past: An Introduction to Digital Memory and Media // Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition / Ed. by A. Hoskins. N.Y.: Routledge, 2017. P. 1–24.*

6 Parikka J. *The Underpinning Time: From Digital Memory to Network Microtemporality // Digital Memory Studies: Media Pasts in Transition / Ed. by A. Hoskins. N.Y.: Routledge, 2017. P. 156–172.*

совершенно не устремлены в будущее и не поддерживают левый политический месседж, столь важный для западных сторонников memory studies. Одной из ключевых причин этого становятся изменения *режимов публичности*, все менее связанных с теорией коммуникативного действия и рационального суждения Ю. Хабермаса и все чаще включающих в себя эмоции и аффекты. Будущее в современной публичной сфере не должно концептуализироваться лишь на уровне теоретических абстракций и политических программ, — оно должно выстраиваться через рефлексию о популярной культуре (например, в рамках советского проекта и его «непрошедшего будущего», о котором в свое время ярко писала С. Бойм). Именно в этом контексте диалог между российскими и западными исследователями трансформаций памяти в пространстве новых медиа мог бы стать продуктивным.